

Владимир МЯКИШЕВ

**СТОИТ ЛИ ИСКАТЬ ДИАЛЕКТНЫЕ КОРНИ
ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО?**

У статті проаналізовано погляди різних учених на проблему діалектної основи офіційної мови Великого князівства Литовського. Автор залучає останні публікації як вітчизняних, так і закордонних лінгвістів.

Ключові слова: *діалект, пам'ятка, офіційна мова, руська мова, проста мова, Велике князівство Литовське.*

В истории изучения письменно-книжного языка ВКЛ и юго-восточных земель Речи Посполитой этот вопрос прямо или косвенно затрагивался регулярно, поскольку касался самой природы „русской/простой мовы” (РПМ). В результате с большой долей условности – в зависимости от положительного или отрицательного на него ответа – выделились две линии интерпретации генезиса рассматриваемого языкового явления.

Сторонники первой из них стоят за поиск диалектной базы РПМ, хотя больше внимания уделяют пробам отыскания не региональных, а „национально”-региональных основ „западнорусского” языка, во всяком случае именно этот аспект был и остается поводом неутихающих научных и околонучных споров.

Одни исследователи (А. И. Соболевский¹, Е. Ф. Карский², С. Пташицкий³) считали, что литературно-письменный язык ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой опирался на белорусскую языковую стихию. Другие склонны были видеть в нем украинскую основу (А. Кистяковский⁴, Р. Лашенко⁵, Л. А. Булаховский⁶),

¹ См. статью: Бѣлорусы // Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. – Т. V. – Санкт-Петербургъ, 1891. – С. 232.

² Карский Е.Ф. Бѣлорусы // Виленскій временникъ. – Т. I. – Вильна, 1904. – С. 341.

³ Ptaszynki S. Zewnętrzne dzieje języków ruskich w granicach dawnej Rzeczypospolitej // Encyklopedia Polska. – Т. III. Cz. II: Język Polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach Polskich. – Kraków, 1915. – S. 361.

⁴ Кистяковский А.Ф. Права, по котрымъ судится малороссійскій народъ. – Кіевъ, 1879. – С. 32.

⁵ Лашенко Р. Литовський Статут, яко пам'ятник українського права // Науковий збірник Українського університету в Празі. – Т. I. – Прага, 1923. – С. 76.

третьи – великодержавно русскую („поздний” Я. Ф. Головацкий⁷, Чарнецкий⁸, И. И. Лаппо⁹). Кто-то усматривал фундамент „мовы” в церковнославянском языке (М. Рудзиньска¹⁰, А. Мартель¹¹, ныне З. Зинкявичус¹²), а кто-то в польском (С. Линде¹³, Т. Чацкий¹⁴, И. Первольф¹⁵).

Как ни парадоксально, каждая из представленных точек зрения (кроме откровенно политизированной великорусской) в большей или меньшей степени может оправдать свое существование, правда, только будучи приложенной к тому или иному „русско/простомовному” тексту. Среди письменных и печатных памятников легко можно найти такие, в которых преобладает белорусская, украинская, церковнославянская, польская и даже древнерусская (в ранних грамотах) стихии. При рассмотрении же природы всей „мовы” в расчет могут браться только белорусская и украинская теории.

Неудивительно, что именно в их рамках разрабатываются концепции, определяющие более точечную – узкорегиональную или диалектную – основу „западнорусской” письменно-книжной „мовы”. Делается это, однако, чаще в привязке к истории белорусского или украинского языков применительно к терминам „старобелорусский” и „староукраинский”.

О регионально-диалектной базе „русской мовы” Великого княжества Литовского первым в свое время написал, кажется, Х.

⁶ Булаховський Л.А. Питання походження української мови. – Київ, 1956. – С. 28-42.

⁷ Головацкий Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. – Вильна, 1888. – С. 33).

⁸ Чарнецкій, Історія Литовскаго Статута... // Университетскія Извѣстія – [Київъ], 1866. – № 9. – С. 3-4.

⁹ Лаппо И.И. Литовскій Статутъ 1588 года. – Т. I., Ч. 2. – Каунась, 1936. – С. 345-348.

¹⁰ Rudzińska M. Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego // Księga referatów II zjazdu slawistów. – Sekcja I. Językoznawstwo. – Warszawa, 1934. – S. 100.

¹¹ Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche 1569-1667. – Lille, 1938. – S. 41.

¹² Zinkevicius Z. Lietuviu antroponimia. Vilnius lietuviu asmenvardziai XVII a. pradžieje. – Vilnius, 1977. – S. 12-13.

¹³ Linde S.B. O Statucie Litewskim językiem i drukiem wydanym wiadomość. – Warszawa, 1816. – S. 17.

¹⁴ Dzieła Tadeusza Czackiego. – T. I. – Poznań, 1844. – S. 64-75.

¹⁵ Первольфъ І. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. – Т. III. Ч. II. – Варшава, 1893. – С. 43-44.

Станг¹⁶. Потом Ю. Шевелев, в каком-то отношении следуя норвежскому слависту, утверждал, что базой для формирующегося письменно-книжного языка ВКЛ стали говоры центральных белорусских земель¹⁷. В развитие иных аспектов динамичной теории Х. Станга, признававшего существование здесь нескольких типов актового языка, в среде белорусских ученых звучали мнения в пользу становления РПМ на основе северно-белорусских диалектов – говорів западной части бывшей Полоцкой земли¹⁸ или же на ее юге¹⁹.

В Украине исследователи видели корни „своей” разновидности этого письменно-книжного языка в диалектах Галиции²⁰, Волини²¹, юго-западной²² и отчасти северной Украины²³.

Не остался без внимания ученых также еще один – назовем его „пограничный” (западнополесский) – фрагмент концепции Х. Станга, писавшего о преобладании в актах II-й пол. XV – I-ой пол. XVI вв. примет говорів северной Волини и южной Белорусии²⁴.

В большинстве случаев представленные концепции в основном сводились к общетеоретическим положениям, слабо подкрепленным результатами анализа источникового материала. В этой связи особого внимания должна заслуживать уже не западно-

¹⁶ Stang Ch.S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. – Oslo, 1935; его же. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polock. – Oslo, 1939.

¹⁷ Šerech Y. Problems in the Formation of Belorussian // Supplemento Word journal of the Linguistic circle of New York. – Vol. 9. – December 1953. – S. 59.

¹⁸ О наличии такой концепции, в частности, пишет Л. М. Шакур (см.: его же. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. – Мінск, 1984. – С. 94-95).

¹⁹ См.: Станкевич Я. Гісторыя беларускага языка. – Вільня, 1939. – С. 3.

²⁰ Булаховський Л.А. Питання походження української мови. – С. 28-42. Эту точку зрения разделял также польский ученый В. Курашкевич: *Kuraszkiewicz W. Gramoty halicko-wolyńskie XIV-XV wieku.* – Kraków, 1934. – S. 5-8.

²¹ Залеський А.М. Структурна й ареальна диференціація говорів Волині // Минуле і сучасне Волині: Тези доповідей та повідомлень II-ї Волинської історико-краєзнавчої конференції 26-28 травня 1988 року. – Ч. II. – Луцьк, 1988. – С. 190.

²² Жилко Ф.Т. Некоторые особенности развития украинского национального языка // Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. – Москва, 1960. – С. 37; Москаленко А.А. До походження української писемної і писемно-літературної мови // Праці Одеського державного університету. – Т. 152. Вып. 15. Серія філологічних наук. – 1962. – С. 105.

²³ Медведєв Ф.П. Українські грамоти XIV-XV століть як пам'ятки української народності // Питання історичного розвитку української мови. – Харків, 1962. – С. 168.

²⁴ См.: Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. – Вильнюс, 1996. – С. 67-79.

а просто полесская теория генезиса „русской/простой мовы”. Ее автор, проф. В. М. Мойсиенко, строит свою аргументацию прежде всего на данных практических наблюдений над языком памятников письменности²⁵ и живых говоров. Вместе с тем при всей лингвистической проработке материалаเสมอ подтверждение факта близости характеристик двух систем – полесских диалектов и „русской мовы” – еще не свидетельствует о том, что их связывают отношения преемственности. Полесской концепции, как представляется, прежде всего не хватает обоснований историко-ситуативного характера: выяснения, когда и в связи с чем местные говоры могли стать объектом повышенного внимания творцов письменно-книжного языка государства.

Сторонниками второй – назовем ее наддиалектной – линии в решении обсуждаемой проблемы являются ученые, которые во главу угла ставят тезис о том, что РПМ являет собой искусственное образование, распространенное в просвещенных кругах общества²⁶. Само по себе это утверждение имеет репутацию почти аксиомы, принимается всеми серьезными интерпретаторами происхождения „мовного” феномена. Но в данном случае акцентированное дистанцирование народного и письменно-книжного языка, будучи преломленным через призму популярного представления „мовы” как белорусско-украинской языковой общности²⁷, „очень

²⁵ Мойсиенко В.М. Фонетична система українських поліських говорів у XVI-XVII ст. – Житомир, 2006; его же. Про національний статус „руської мови” в часи Великого князівства Литовського та Речі Посполитої // Мовознавство – № 1. 2005. – С. 67-82.

²⁶ См., напр.: „Język ten był ... w znacznym stopniu wytworem sztucznym” (Lehr-Spławiński T. Szkice z dziejów rozwoju i kultury języka polskiego. – Lwów, 1938. – S. 122) „им никто никогда не говорил и не говорит” (Бодянский О. О поисках моихъ въ Познанской Публичной библиотек® // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ® Исторіи и Древностей Россійскихъ. – Кн. I. – 1846. – С. 31-32); он не являлся „фиксацией того или иного белорусского или украинского диалекта”, а представлял „собой чисто экспериментальное создание” (Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода // Славянское языкознание. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – Москва, 1963. – С. 245).

²⁷ Ср., напр.: „В истории украинско-белорусских языковых связей XV – XVII вв. являются периодом ... характерной общности” (Белодед И.К. Ижакевич Г.П. Франко З.Т. Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI - начале XVIII в. // Вопросы образования восточнославянских языков. – Москва, 1962. – С. 83.); „белорусы и украинцы в составе Литовского, а затем Польско-Литовского государства практически пользовались определенное время общим литературным письменным языком” (Аниченко В.В. Вопросы разграничения белорусских и украинских памятников // Советское славяноведение. – № 6. 1965. – С. 31).

разумного на те времена староукраинско-старобелорусского компромисса” (обращаюсь здесь к меткому высказыванию проф. А. Золтана²⁸), предопределяет позицию исследователей, видящих основу письменно-книжного языка ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой в украинско-белорусском койне. Термин этот в связи с характеристикой западнорусской языковой ситуации первым употребил И. И. Огиенко²⁹, сославшись при этом на П. Житецкого³⁰, который в начале XX века писал: „Смутно мелькала в их сознании (украинских и белорусских „письменных” людей) идея языка общего для всех племен славянорусских, входивших в состав литовского государства. ... Под влиянием этой идеи они предпочитали звуки общие белорусским и малорусским говорам, избегая специально белорусских дзяканья и цяканья и даже иногда аканья... Понятно после этого, почему в западнорусских письменных памятниках нет и специально малорусских звуковых особенностей”³¹.

Подобные взгляды позже высказывали Н. И. Толстой³², В. В. Аниченко³³, Л. М. Шакун³⁴, П. П. Плющ³⁵, может быть, с той оговоркой, что пользующиеся РПМ люди в большей степени, чем осознанной идеей общности, руководствовались единими для белорусов и украинцев принципами орфографии и здравым смыслом, который, как заметил Б. Струминьский, „abstrahował od odrębnych cech obydwu języków, traktując te języki widocznie tylko jak dialekty, a podnosił do znaczenia normy bądź to żywe, co było im wspólne, bądź to martwe, co stanowiło ich wspólną tradycję”³⁶.

Сама сложная многовекторная организация РПМ, допускающей большую толерантность языковых средств в шкалах „свое –

²⁸ См. : <http://forum.istorija.net/forums/thread-vjew.asp?tid=2338&mid=31720#M31720>

²⁹ „І з XV віку це спільне українсько-білоруське коинґ зовсім вже заступає давно церковно-слов'янську мову, яко мову літературну” (Огієнко І. Українська літературна мова XVI-го ст. і український Крехівський Апостол. – Варшава, 1930. – С. 89-90).

³⁰ Там же. С. 231.

³¹ Житецкий П.И. О переводах евангелия на малорусский языкъ // Извѣстія Отдѣлѣнія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ. – Т. X, Кн. 4. – 1905. – С. 6-7.

³² Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов... – С. 245.

³³ Аниченко В.В. Вопросы разграничения... – С. 30.

³⁴ Шакун Л.М. Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы. – Мінск, 1960. – С. 59.

³⁵ Плющ П.П. Нариси з історії української літературної мови. – Київ, 1958. – С. 130.

³⁶ Strumiński V. [рец. на кн.:] Л.М. Шакун. Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы. – Мінск, 1960 // Slavia orientalis. – XI. 3. 1962. – S. 425.

чужое”, „старое – новое”, „традиционно-письменное – живое-разговорное” и даже „диалектное – узкодиалектное”, беспрецедентно усиливала значимость действия процессов, общих для всех книжно-литературных языков донационального периода: поддержки стабильности системы „путем отрицания разговорных, прежде всего диалектных, вариантов”³⁷. Административного языка это положение касалось в самой большой степени – с учетом необходимости быть понятным на всей территории государства он должен был функционировать как надрегиональный³⁸.

Представленные позиции, базирующиеся на признании диалектной базы РПМ либо ее отрицании, казалось бы, обязаны поделить специалистов на два противоположных лагеря. На самом же деле ситуация выглядит иначе: в работах одних и тех же исследователей нередко видим высказывания, предполагающие принятие положений из обеих концепций (достаточно сослаться здесь авторитеты Е. Ф. Карского³⁹, И. И. Огиенко⁴⁰, Б. А. Успенского⁴¹).

Оказывается, что без учета динамики развития письменно-литературного языка ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой, а также специфики эволюции его функционально-жанровых разновидностей, и та, и другая теории отнюдь не всегда „срабатывают”.

Давно замечено, что „западнорусский” язык не стоит рассматривать как нечто однородное и неизменное на протяжении неполных четырех веков существования⁴². Он связан с развитием

³⁷ Русановский В.М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // Вопросы языкознания. – № 4. 1970. – С. 57.

³⁸ Однако и теория „койне” не исключает модификаций, особенно если взять в учет очевидные метаморфозы „мовы” в ее эволюции. Такую „компромиссную” трактовку предлагает, напр., Л. Л. Гумецкая, которая на канцелярско-актовом этапе существования „мовы” в XIV-XV веках видит единый „западнорусский” письменно-литературный язык, а затем „сначала незначительные, со временем все более отчетливые местные различия” с образованием литературного языка приводят к распадению „мовы” на украинский и белорусский варианты (Гумецкая Л. Л. Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода // Вопросы языкознания. – № 2. 1965. – С. 39-44).

³⁹ Карский Е.Ф. Что такое древнее западнорусское наречие? // Его же. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – Москва, 1962. – С. 257-261..

⁴⁰ Огієнко І. Українська літературна мова XVI-го ст. – С. 89-90, 231; Его же. Українська Житомирська Євангелія 1571 року. – Тарнів, 1922. – С. 15.

⁴¹ Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси... – С. 66-70.

⁴² См. : Гумецкая Л.Л. Вопросы украинско-белорусских языковых связей... – С. 44.

государственности на этих землях и зависим от перипетий истории. В начальный период письменная „мова” ВКЛ употребляется почти исключительно в княжеских договорах, грамотах и некоторых других государственных актах. Во времена Ольгерда она обретает статус языка государственных учреждений⁴³, укрепленный позже самым фактом образования великокняжеской канцелярии⁴⁴. Появление другой – собственно литературной – разновидности „мовы” на этих землях связывается с идеями Реформации, проникающими сюда с 40-х годов XVI века. К концу же столетия и в начале XVII в. эта не только „русская” (административно-канцелярская), но и „русская/простая мова”, уже ставшая „общепризнанной для выражения богословской и научной мысли” и „вообще понятий и дум культурных слоев южной и западной Руси”⁴⁵, предстает сформировавшейся, о чем свидетельствует разнообразная и многожанровая литература.

Пожалуй, лучше всех динамику изменчивости и самого письменно-книжного языка Великого Княжества Литовского, и его региональной базы обозначил Хр. Станг. Согласно его наблюдениям, в ранний период эволюции официальной „мовы” ВКЛ (с середины XIV по вторую половину XV вв.) в документах преобладают диалектные черты украинского типа. Такое положение объяснимо: великокняжеская канцелярия формировалась с ориентацией на традиции „русской” канцелярии при польском королевском дворе, последняя же в силу исторических причин использовала „мовный” вариант, основанный на галицком диалекте⁴⁶. Позже в документах ВКЛ берут верх черты белорусского языка в связи с ростом административной и общественной значимости Вильно, централизацией власти на

⁴³ „Już za czasów Giedymina ruszczyzna zaczyna panować a od Olgerda staje się językiem urzędowym” (Ptaszynki S. Zewnętrzne dzieje języków ruskich... – S. 360).

⁴⁴ По мнению Е. А. Целуновой, об этом „следует говорить лишь с 1392 г., когда Великим князем Литовским стал Витовт” (Целунова Е.А. Культурная и языковая ситуация Великого княжества Литовского // Aion Slavistica. – 5, 1997-1998. – S. 81).

⁴⁵ Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVIII веков. III (Сборник по русскому языку и словесности. – Т. I. Вып. 3). – Ленинград, 1929. – С. 22.

⁴⁶ Stang Ch.S. Die westrussische Kanzleisprache... – S. 51-52; см. также рец. на кн. Х. Станга: Kuraszkiewicz W. Ruthenica: Studia z historycznej i współczesnej dialektologii słowiańskiej. – Warszawa, 1985. – S. 290-291; Золтан А. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (к вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси). – Диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 1984.

„белорусскоязычных” территориях, изменением границ государства и соотношений населяющих его народов. Именно тогда, по мнению Х. Станга, в деловой письменности возобладал белорусский диалектный тип, развившийся на основе говоров окрестностей столицы. В XVI веке эта – собственно канцелярская – разновидность письменно-книжного языка достигает „особенной крепости”⁴⁷, прочной и устойчивой формы⁴⁸.

Позже, в XVII столетии, в РПМ в целом (но отнюдь не обязательно, что также в ее актовом-канцелярском варианте [этот вопрос нуждается в дополнительном изучении]) снова стали рельефней проявляться „южные, т. е. украинские черты” (цитирую здесь М. Мозера, но нечто подобное читаем и у Е. Ф. Карского⁴⁹, и у Ю. Шевелева⁵⁰). Это объясняется смещением центра западной образованности. „Значение Львова, Острога, Луцка и спустя некоторое время Киева возросло до такой степени, что эпицентр развития «русского языка» и творимой на нем письменности постепенно продвигался на юг”⁵¹.

Так вот представленная изменчивость региональной опоры письменно-книжного языка ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой прежде всего находила отражение в актовой письменности, как наиболее открытой на проникновение черт местных наречий. Документы же, исходившие из великокняжеской канцелярии⁵², довольно быстро стали характеризоваться отчетливой наддиалектальностью вследствие своего государственного статуса. Как пишет Б. А. Успенский: „В то время как язык частных и местных актов и грамот в силу своей ограниченности, локальной направленности носит следы местного говора, иногда доходя почти до транскрипции живого произношения и живых форм речи, канцелярский язык тяготеет к стандартизации и кодификации”⁵³.

Служащие канцелярии принадлежали к числу наиболее

⁴⁷ Пользуюсь здесь определением Е. Ф. Карского (Его же. Что такое древнее западнорусское наречие? – С. 257).

⁴⁸ Stang Ch.S. Die westrussische Kanzleisprache... – S. 19-20, 52, 163.

⁴⁹ Карский Е.Ф. Что такое древнее западнорусское наречие? – С. 260.

⁵⁰ Шевельов Ю. Історична фонологія української мови. – Харків, 2002. – С. 719.

⁵¹ Мозер М. Что такое „простая мова”? // Studia Slavica Hung. – 47/3-4. 2002. – С. 229.

⁵² „Фармальна ў функцыі канцелярыі ўваходзіла падрыхтоўка наогул усіх дакументаў, якія ствараліся ў цэнтр. апарате кіравання ВКЛ” (Рыбакоў А. Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя ў двух тамах. – Т. 2. – Мінск, 2006. – С. 38).

⁵³ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси... – С. 69.

образованных людей государства, составляли его интеллектуальную элиту⁵⁴. Их работа по „выравниванию диалектных черт” (снова пользуюсь здесь определением М. Мозера⁵⁵) наибольших эффектов достигла во второй половине XVI века, не случайно признаваемого за период расцвета „русской мовы”. Именно тогда канцелярская разновидность делопроизводственного языка государства обрела свой законченный вид⁵⁶, что нашло, видимо, эталонное отражение в тексте Литовского Статута 1588 года⁵⁷.

Так получилось, что в течение ряда лет мне пришлось заниматься языком этого кодекса⁵⁸. И не что иное, как собственные наблюдения за системой статутовой „мовы”, дают мне возможность высказываться по заявленной в названии статьи проблематике. Итак, стоит ли искать диалектные корни официально-административного языка ВКЛ?

Применительно к актовой письменности – стоит, потому что нечто узкорегиональное в большей или меньшей степени здесь всегда присутствует и чаще всего эти черты укладываются в упорядоченный комплекс (другое дело, достаточен ли выявленный массив для его характеристики в качестве базы „мовы” или же это будут только вкрапления?).

Но рискну здесь высказать свое убеждение, что результаты поисков диалектных начал применительно к отработанной канцелярской разновидности РМ ничего не дадут. Эти тексты являют собой верх наддиалектизма: через фильтры узусной нормы „пропускают” лишь то, что было общепонятным и общепринятым, значит, универсальным.

Лучшим свидетельством тому является язык первопечатного Литовского Статута. Предпринятые пробы анализа не выявили здесь присутствия узкодиалектных элементов. Так, краковская ученая М. Лизисова некогда поставила целью проанализировать *slownictwo regionalne* III Статута и результаты своих наблюдений

⁵⁴ См.: Рыбакоў А. Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага. – С. 38; Рыбаков А.Е. Делопроизводство в Великом княжестве Литовском в XVI в. // Делопроизводитель. – № 1. 2001. – С. 112-113.

⁵⁵ Мозер М. Что такое „простая мова”? – С. 229.

⁵⁶ См.: Рыбаков А.Е. Делопроизводство в Великом Княжестве Литовском... – С. 109-114.

⁵⁷ В оценке специалистов язык кодекса знаменует „вышэйшую ступень развіцця юрыдычнай мовы Вялікага Княства Літоўскага” (см.: Францыск Скарына і яго час. Энциклапедычны даведнік. – Мінск, 1988. – С. 507-508).

⁵⁸ Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. – Кракów, 2008.

поместила в монографии⁵⁹. Весь рассмотренный тут лексический материал не случайно квалифицируется лишь как регионализмы, воспринимаемые таковыми с позиций поляка (это *tutenizmy* – общие для „русских” земель, *lituanizmy* и проч.). Собственно белорусских и собственно украинских диалектизмов здесь не обнаружено. И это несмотря на то, что лексикон кодекса отнюдь не ограничивается правовыми понятиями. Статут можно назвать энциклопедией жизни ВКЛ, в том числе в бытовых ее аспектах: здесь фигурируют названия атрибутов сельскохозяйственного труда, промыслов и ремесел, представлен животный и растительный мир западнорусских земель. Так вот при именовании примет народной жизни составители кодекса вполне обходятся без узкодиалектных названий.

Мои наблюдения над фонетикой и грамматикой этого объемного правового текста также практически не дают примеров региональной закреплённости языка кодекса. В Статуте не получают отражения следы таких активных, но территориально ограниченных фонетических процессов, как белорусские дзеканье, цеканье и цоканье, развитие протетических *a*, *u* перед группой „сонорный + иной согласный”, да и аканье фиксируется лишь в единичных примерах, которые к тому же могут истолковываться отнюдь неоднозначно; отсутствуют также украинские переход *e* в *u*, фиксация *u* на месте *ж*, чередование старых *o*, *e* с *u* (*i*), сближение *o* и *u* в закрытых слогах.

В заключение остается подчеркнуть, что „руская/простая мова” динамична и многолика. Заводя разговор о ее базе, вступаем на зыбкую, неустойчивую почву, временами служащую опорой, а временами уходящую из-под ног. В своем развитии письменнолитературный язык ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой сразу пропитывается местными особенностями, которые при большой степени концентрации, будучи представленными в системе, предопределяют актовые „рускомовные” предпочтения в привязке к той или иной региональной базе. Но образцом „русской мовы” в чистом виде все-таки являются документы великокняжеской канцелярии, наддиалектные по самой своей заданности.

Иными словами, если взять во внимание динамику трансформации РПМ, можно заметить, что язык актов характеризуется изменчивой диалектной базой: преобладание украинских черт постепенно уступает в пользу белорусских; язык памятников из столичной канцелярии ВКЛ представляет

⁵⁹ Lizisowa M. *Studia nad słownictwem regionalnym III Statutu Litewskiego*. – Kielce, 1984.

белорусско-украинское койне, а позднейший язык литературы, прежде всего полемиической, в основном базируется на украинской основе. Представленная картина является отражением сложности самой материи – непростыми свойствами языка, который „w całości był charakterystyczną ilustracją tak skomplikowanego tworu, jak Wielkie Księstwo Litewskie”⁶⁰.

Владимир Мякишев

**Стоит ли искать диалектные корни официального языка
Великого княжества Литовского**

В статье представляются мнения ученых, усматривающих основы „русской простой мовы” в белорусских и украинских диалектах, а также суждения их мнимых противников, подчеркивающих наддиалектные начала письменно-книжного языка ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой. Автор отстаивает тезис динамичной изменяемости официальной „мовы”, утверждая, что ее актовые разновидности характеризуются сменной диалектной базой, в то время как язык Канцелярии ВКЛ представляет собой наддиалектное белорусско-украинское образование.

Ключевые слова: *официальный язык ВКЛ и юго-восточных земель Речи Посполитой, „русская мова”, актовая письменность, тексты Канцелярии ВКЛ, Статут ВКЛ 1588 года*

Vladymyr Myakishev

**Is it needed to search the dialectal roots of official language of
Great duchy Lithuanian?**

In the article the looks of different scientists were analyzed to the problem of dialectal basis of official language of the Great duchy Lithuanian. An author attracts the last publications of both home and foreign linguists.

Keywords: dialect, writing memorandum, official language, russian language, simple language, the Great duchy Lithuanian.

⁶⁰ Rudzińska M. *Charakterystyka języka urzędowego...* – S. 100.